

Б. В. Болдырев

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**К вопросу о синтаксическом строе
тунгусо-маньчжурских языков**

Аннотация: Обосновывается тезис, утверждающий, что тунгусо-маньчжурские языки являются языками номинативно-посессивного строя. Отношения атрибутивные по принадлежности и отношения предикативные составляют грамматическую сущность синтаксического строя этих языков. Атрибутивность и предикативность разграничиваются не только тем, что атрибутивные отношения возможны только между членами словосочетания, способным быть отдельным членом предложения, но не законченным предложением, в то время как предикативные отношения характеризуют связь между главными членами, составляющими законченное предложение. Атрибутивная и предикативная синтагмы разграничиваются также формой их выражения: первая представлена притяжательной парадигмой, в составе которой ее первый компонент выражен беспадежной формой притяжательного местоимения или прилагательного, образованного способом конверсии, второй компонент атрибутивно-притяжательной синтагмы выражен словом класса имен существительных, притяжательный суффикс которых отражает лицо-число первого компонента притяжательной синтагмы. Вторая парадигма является предикативной, представленной главными членами предложения: подлежащим, выраженным словом класса имен существительных в именительном падеже и сказуемым, выраженным глагольным или отыменным сказуемым, личные показатели которых отражают лицо-число субъекта действия. Отыменное сказуемое выражено основой имени со вспомогательным глаголом, личная форма которого отражает лицо-число субъекта, которому предикцируется предметный признак. Отсутствие вспомогательного глагола является значимым: его опущение возможно только в том случае, если сказуемое обозначает настоящий признак.

The paper substantiates the proposal that the Tungusic languages belong to the languages of the nominative-possessive structure. The attributive possessive relations and predicative relations are the grammatical essence of the syntactic structure of these languages. The distinction between attributivity and predicativity lies not only in the fact that the attributive relations can exist within the constituents of the phrase being able to be an independent sentence constituent but not a completed sentence while the predicative relations characterize the binding between the main parts of the sentence forming a completed sentence. The attributive and predicative syntagmas differ as far as the forms of their expression are concerned: the former is represented by a possessive paradigm where the first component is expressed by a caseless form of a possessive pronoun or an adjective formed as a result of conversion and the second component of the attributive syntagma is expressed by a word of the noun class the possessive suffix of which shows the person and number of the first component of the attributive syntagma. Another paradigm is a predicative one represented by the main parts of the sentence: the subject expressed by a word of the noun class in the nominative case

and the verbal or nominal predicate having personal markers showing the person and number of the subject of action.

Ключевые слова: номинативно-посессивный строй, притяжательная синтагма, предикативная синтагма, предложение.

Nominative-possessive structure, possessive syntagma, predicative syntagma, sentence.

УДК 81.2.2

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН. Тел. (383) 3302737. E-mail: sektor-tungusov@mail.ru

Традиционно считается, что тунгусо-маньчжурские языки, как и типологически близкие урало-алтайские, являются языками номинативного строя, под которым понимается тип предложения, главные члены которого, подлежащее в форме именительного падежа и сказуемое, вступают в предикативную связь и образуют грамматическую основу предложения. В большинстве тунгусо-маньчжурских языков сказуемое, как правило, оформляется личным глагольным суффиксом, отражающим лицо и число субъекта действия, например: эвенк. **бэюктэмни эмэрэн охотник пришёл, би эмэм я пришёл, си эмэнни ты пришёл, бэюктэмнил эмэрэ охотники пришли, бу эмэрэв мы пришли** и т.п.

Но сказуемое может находиться и в паратактической связи с подлежащим, такая связь представляет собой простое соположение компонентов предикативной синтагмы без каких-либо формальных их изменений. Этот вид связи главных членов предложения используется в маньчжурском языке, в котором глаголу не свойственны личные глагольные суффиксы. Как отмечал В. А. Аврорин, в маньчжурском языке «любая из двух временных форм глагола изъявительного наклонения может быть соотнесена с любым лицом единственного и множественного числа как субъектом обозначенного этой формой действия» [2000, с. 211]. Категория лица, числа субъекта действия выражается в этом языке лексически, первым компонентом предикативной синтагмы, например: **би гисурэмби я расскажем, муэ гисурэмби мы расскажем, ахута гисурэмби братья расскажут, эрэ н'алма гисурэмби этот человек расскажет**.

В других тунгусо-маньчжурских языках паратактическая связь подлежащего и сказуемого обнаруживается в предикативных синтагмах с отыменным сказуемым, например: эвенк. **амим чипкамасимни мой отец охотник**, нан. **Кона – боатоһго Кона – охотник**, эвенк. **һин акънси – буюсэмһь твой старший брат охотник**.

В отличие от предикативной синтагмы, образующей грамматическую основу предложения, посессивная или притяжательная синтагма является **словосочетанием**, образованным посредством соединения двух слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, и служащим для обозначения какого-либо единого, но расчлененного понятия или представления. Притяжательное словосочетание отлично от предикативного, поскольку оно не обладает основными признаками последнего: не входя в систему коммуникативных средств языка, притяжательное словосочетание лишено предикативности, которой сопутствуют категории модальности, времени, лица, интонации сообщения. Вместе с тем притяжательное словосочетание тесно связано с предложением, поскольку является его неотъемлемой частью, обнаруживая в его составе разные возможности и разные правила своего употребления.

Кажущееся формальное совпадение структурных схем предикативной конструкции с посессивной послужило основанием для некоторых исследователей выделить так называемый посессивный строй языка [Мещанинов, 1975, с. 145–173; Суник, 1947, с. 51–200]. Впоследствии правда выяснилось, что «языков, в которых отсутствовала бы предикативная конструкция (и вместо нее использовалась бы посессивная) не обнаружено» [Журильская, 1990, с. 389].

Посессивность (притяжательность) – одна из универсальных категорий языка, основное назначение которой выражение отношений между предметом и его признаком по принадлежности в самом широком его понимании: предмета обладания к его обладателю, части к целому, единицы измерения к измеряемому и т. п. Посессивность в разных языках выражается различными способами: лексическим, морфологическим, синтаксическим.

В тюркских языках посессивность выражается изафетной конструкцией, которая является частным проявлением определительных словосочетаний. Как подчеркивает Н. З. Гаджиева, «изафет, как и всякая определительная группа, строится, подчиняясь ведущему закону агглютинативного строя тюркских языков – закону порядка слов «определение + определяемое» [Гаджиева, 1973, с. 106].

С. С. Майзель характеризует турецкий изафет как «такое сочетание **двух существительных**, из которых одно, стоящее в родительном или неопределенном падеже, является определением и одновременно дополнением к другому своему определяемому и одновременно дополняемому» [Майзель, 1957, с. 13], он же интерпретирует изафет как «показатель субстантивности членов, а не адъективности» [Там же, с. 17]. С этим утверждением вполне резонно, и не без оснований, не соглашается Н. З. Гаджиева, которая разделяет мнение А. К. Боровкова о том, что в 1-м типе изафета имеет место адъективация, усматривая его характерные особенности в том, что в сочетании существительных исторически дана и форма словообразования, форма образования новых понятий через посредство абстрагирования предметного свойства, как существенного, определяющего новую природу уже известного в практике предмета [Гаджиева, 1973, с. 107]. Учитывая это рассуждение, Н. З. Гаджиева, чтобы отграничить изафет от обычных типов адъективных словосочетаний определяет изафет как «такую определительную группу, в которой определяемое, являясь всегда субстантивом, определяется с точки зрения или принадлежности к другому предмету или различных форм отношения к нему» [Там же].

Тюркологи обычно выделяют **три типа изафета**, под которым понимают «именные определительные сочетания, **оба члена которых выражены существительными**: для первого характерно отсутствие морфологических показателей связи компонентов (например, азерб. *дәмир гапы железные ворота*, букв. *железо ворота*), для второго – наличие при определяемом аффикса принадлежности 3-го л. (например, тур. *türk dil-i турецкий язык*), для третьего – аффикс принадлежности 3-го л. при определяемом и афф. род.п. при определении (например, туркм. *ат-ыň өлүм-и смерть коня*)» [Эдельман, Поцелуевский, 1990, с. 172].

На наш взгляд, все три типа словосочетаний являются адъективными, состоящими из определения, выраженного прилагательным и определяемого, выраженного словом класса имен существительных. В сочетаниях первого типа средством словообразования является конверсия, при которой переход слова из одной части речи в другую обусловлен его синтаксической позицией: основанием для причисления слова к прилагательным является его способность входить в определительное словосочетание, занимая там позицию атрибута. Употребление слова в новой синтаксической функции сопровождается не только обретением им атрибутивного значения, но и приобретением тех морфологических показателей, которые свойственны классу слов, в функции которых оно выступает: в функции определения прилагательное примыкает в основной форме к определяемому имени. В изафетных сочетаниях второго и третьего типа средством словообразования выступает морфологическая парадигма – в составе притяжательной парадигмы ее первый компонент выступает в роли притяжательного определения, второй – определяемого. В составе изафетных словосочетаний второго и третьего типа конверсивный способ словообразования дополняется морфолого-синтаксическими средствами языка: определяемое существительное оформляется суффиксом

принадлежности 3-го л., а в конструкциях третьего типа особым притяжательным суффиксом (часто ошибочно именуемым падежным) оформлено и определение.

В тунгусо-маньчжурских языках функционируют все три типа определенных конструкций, которые описаны выше.

Первому типу тюркских изафетных конструкций в тунгусо-маньчжурских языках соответствуют атрибутивные синтагмы, образованные по схеме: определение, выраженное прилагательным (которое образовано способом конверсии), совпадающим по форме с основой соответствующего существительного + определяемое, выраженное словом класса имен существительных.

Некоторые исследователи тунгусо-маньчжурских языков утверждают, что в этих языках существительное не может быть полностью отграничено от прилагательных, что прилагательных относительных в этих языках нет, а их роль выполняют соответствующие существительные, служащие определением [Цинциус, 1947, с. 114; Новикова, 1960, с. 114–116; Аврорин 2000, с. 95], например: эвенск. **мб эрун** *деревянная лопата (дерево лопата)*, **мб 1ḡ** *деревянный дом (дерево дом)*, **боксь урэкчэн** *ледяная горка (лёд горка)*; ма. **сэлэ сиргэ** *железная проволока (железо проволока)*, **сирин моро** *медная чаша (медь чаша)*.

Утверждается также, что существует особая часть речи, занимающая промежуточное положение между прилагательными, существительными и наречиями, что эта часть речи характеризуется тем, что обозначает признак предмета или действия или самостоятельную субстанцию, что она может играть роль любого члена предложения, и что она обладает грамматическими категориями, характерными для прилагательных, наречий и существительных: в нанайском языке такой «частью речи» является «имя качества» и «имя времени» [Аврорин, 1959, с. 222–232], в маньчжурском – «имя признака» [Аврорин, 2000, с. 95–136]. В эвенском и эвенкийском – «имя предметно-качественно-наречное» или «имена с нерасчлененной семантикой» [Новикова, 1960, с. 116–119; Константинова, 1964, с. 103; Василевич, 1958, с. 689]. Г. М. Василевич в эвенкийском языке выделила еще «особую группу имен», куда она включила «имена, которые бывают в предложении в различных синтаксических функциях, в зависимости от которых могут быть переведены несколькими частями речи» [Василевич, 1958, с. 702–705].

Ошибка исследователей, выделивших вышеперечисленные части речи, состоит в том, что они исходили при этом из слова как единицы языка, которая объединяет и содержит в себе в качестве потенции все свойственные ему в разных контекстах и в разных синтаксических позициях значения и функции. Например, по мнению В.А. Аврорина, каждое знаменательное слово может входить лишь в один из лексико-грамматических разрядов частей речи: «Относиться одновременно к двум или нескольким разрядам или в одном случае – к одному, в другом – к другому слово не может. Принадлежность знаменательного слова к определенной части речи является его постоянным, а не переменным признаком (переменным признаком можно считать употребление слова в роли того или иного члена предложения)» [Аврорин, 1959, с. 89].

Однако, слово как единица речи или в определенном контексте имеет только одно значение и выполняет только одну грамматическую функцию. В составе атрибутивной конструкции прилагательное, образованное способом конверсии, примыкая к определяемому существительному, выявляет: свое лексическое значение – обозначение признака предмета, выраженного существительным; неизменяемость по форме в прямом необособленном употреблении; свою синтаксическую функцию – выражение атрибутивных признаков предмета. Как известно, все эти признаки сопутствуют словам класса имен прилагательных, к числу которых мы и должны отнести первый член атрибутивной конструкции.

Тюркским изафетным конструкциям **второго типа** соответствуют тунгусо-маньчжурские притяжательные синтагмы, которые, как и тюркские, являются атрибутивными, первый их член выступает в роли притяжательного определения,

примыкающего к определяемому слову класса имен существительных. В рамках притяжательной конструкции ее первый компонент, подчиняясь синтаксической позиции и морфологической парадигме притяжательного словосочетания, является притяжательным прилагательным или притяжательным местоимением, совпадающим с основной формой соответствующего существительного или субстантивного местоимения. Второй компонент такой притяжательной конструкции оформлен притяжательным суффиксом третьего лица, если определение выражено притяжательным прилагательным или местоимением третьего лица. Если определение выражено притяжательными местоимениями первых двух лиц, то притяжательный суффикс определяемого существительного будет соответственно первого или второго лица. Таким образом, притяжательная парадигма выступает в качестве словообразовательного средства, которое именуется способом конверсии. В тунгусо-маньчжурских языках конверсия является морфолого-синтаксическим способом словообразования в рамках притяжательной синтагмы: препозитивная позиция определения к притяжательно оформленному определяемому существительному.

Второй тип притяжательных конструкций, выраженный притяжательным прилагательным и притяжательно оформленным существительным, употребляется во всех тунгусо-маньчжурских языках, кроме маньчжурского, а с определением, выраженным притяжательным местоимением, совпадающим по форме с личным, функционирует в некоторых восточных говорах эвенков, в негидальском, ороцком, орокском, удэгейском и в нанайском языках, например: эвенк. **би атырканми** *моя жена*, **би Һинакинми** *моя собака*, **мит автобухит** *наш автобус*, **мит гиркилты** *наши друзья*, **бу оровун** *наши олени*, **бу Һинакинмун** *наша собака*; нег. **би (~мин)** *ахим мой старший брат*, **би (~мин)** *1блби мои дома*; ороц. **би гэббиви** *моё имя*, **си эниси** *твоя мать*; орок. **би (~мин)** *апумби моя шапка*, **су (~сун ~суну)** *апутчу ваша шапка*; уд. **би абуи** *мой отец*, **ути ситэти** *их дети*, **би дамаи** *моя поясница*; нан. **си даҺсаси** *твоя книга*, **си диасилси** *твои друзья*, **суэ дёксу** *ваш дом*, **суэ аминсу** *ваш отец*; сравни: эвенк. **мо сувэрэн** *вершина дерева*, **орор кокчартын** *оленьи копыта*, **авса дасиптынин** *крышка ящика*; нан. **ученик даҺсани** *книга ученика*.

Тюркским изафетным конструкциям **третьего типа** соответствуют притяжательные синтагмы эвенкийского, эвенского, негидальского, орокского языков. Конструкции этого типа отличаются от притяжательных конструкций второго типа лишь тем, что их первый компонент выражен специальной притяжательной формой, образованной в эвенкийском языке при помощи суффикса **-һи** от косвенных основ соответствующих личных местоимений, в остальных языках в этой функции выступают супплетивные основы соответствующих личных местоимений. Что касается второго компонента этого типа конструкций, то он выражен притяжательно оформленным словом класса имен существительных, например: эвенк. **минһил андагилви** *мои друзья*, **иргичиһи иргин** *волчий хвост*, **Кешаһи меванин** *Кешино сердце*; **грушаһи моканин** *грушевый ствол*; эвенск. **мин дюв** *мой дом*, **хун оронсан** *ваш олень*; нег. **син (~си)** *өлөхиһис* *твоя белка*; орок. **би (~мин)** *апумби* *моя шапка*, **си (~син)** *апутчи* *твоя шапка*; ульч. **мин усумби** *мой огород*, **сун усунсу** *ваш огород*.

Притяжательные синтагмы **четвертого типа** функционируют в маньчжурском языке и довольно редко – в эвенкийском. Особенность конструкций этого типа состоит в том, что их первый член, притяжательное определение, выражен притяжательным прилагательным или местоимением, образованным в маньчжурском языке от соответствующих основ существительных или местоимений при помощи словообразовательного притяжательного суффикса **-и ~ -ни**, в эвенкийском языке – при помощи суффикса **-һи**. Исследователи маньчжурского языка [Захаров, 1879, с. 127–130; Суник, 1947, с. 27, 63–69; 1997, с. 167; Пашков, 1963,

с. 21–22; Лебедева, Горелова, 1994, с. 46–47; Аврорин, 2000, с. 78–80] считают суффикс **-и** ~ **-ни** показателем родительного падежа. Относят к числу падежных притяжательный суффикс **-ни** и некоторые специалисты по эвенкийскому языку [Василевич, 1958, с. 780; Лебедева, Константинова, Монакова, с. 1979, с. 67]. Второй член этих синтагм, определяемое слово класса имен существительных, выступает в простой непритяжательной форме, например: ма. **мини ама** *мой отец*, **мэни боо** *наш дом*; **мусэи сэфу** *наш учитель*, **ама и бб** *дом отца* (~ *отчий дом*), **хафан и махала** *чиновничья шапка*; эвенк. **дягдаһил чунмил** *сосновые семена*, **гулэсэгһил куһакар** *деревенские ребята*, **Петяһил суксиллал** *Петины лыжи*, **куһаканһи книга** *детская книга*.

Теперь, по-видимому, мы располагаем всеми необходимыми данными для выяснения интересующих нас вопросов, связанных с четырьмя типами выше представленных атрибутивных синтагм. Все они характеризуются тем, что служат для выражения единого, но расчлененного понятия или представления. Первые три типа синтагм объединяет общий признак: первый их компонент, выступающий в роли определения, образован способом конверсии, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что основа слова одной части речи функционирует без какого-либо изменения в качестве представителя другой части речи. В составе атрибутивной синтагмы, в том числе посессивной, ее первый компонент адъективируется, в результате чего ему сопутствуют лексическое значение, частнограмматические категории и синтаксические функции слов класса имен прилагательных. Вторым компонентом такой синтагмы является слово класса имен существительных, оформленное в составе посессивной синтагмы притяжательным суффиксом. В составе предикативной синтагмы в качестве словообразовательного средства выступает предикативная парадигма, где первым компонентом выступает существительное в форме именительного падежа, а вторым – глагольное сказуемое, оформленное соответствующим личным суффиксом, сравни нан. **ми гачиочни** *я учусь и моя учёба*; **алосимди холайни** *учитель читает и чтение учителя*; **суэ гисурэхэсу** *вы рассказали и ваш рассказ*; **си дёбойси** *ты работаешь и твоя работа*.

О. П. Суник, исходя из кажущегося тождества формы двух рядов вышеприведенных примеров, приходит к неожиданному выводу о том, что нанайский оборот **най энэй-ни** *человек идет* и *ходьба человека* «не только по идентичности конструкции с **най огда-ни** *лодка человека*, но также и независимо от своего функционального использования носит, во-первых, **именной**, а во-вторых, **посессивный**, или **притяжательный** характер. Это и дает основания называть строй предложений этого типа **посессивным**, или **притяжательным**, а конструкцию общую как для предложения этого строя, так и для связи двух имен по принадлежности («изафет») именовать – посессивной конструкцией» [Суник, 1947, с. 55]. Под посессивным строем предложения в тунгусо-маньчжурских языках, по мнению О. П. Суника, «следует понимать такой строй членных и самостоятельных предложений, в котором подлинный субъект-деятель выражен не как предмет или лицо, находящееся в действии или состоянии, а как лицо или предмет, обладающее действием или состоянием, выраженным в предикате; предикат же при этом выражен не как форма действия или состояния субъекта, а как объект его обладания» [Там же, с. 57]. Позже О. П. Суник указывал, что «по своему строю тунгусо-маньчжурские предложения относятся к номинативным... При этой конструкции предложения формально может совпадать с конструкцией притяжательных словосочетаний, что и послужило поводом для ошибочного установления в этих языках так называемого посессивного (или притяжательного) строя предложения» [1968, с. 63], поясняя в более позднем исследовании: «лично-предикативные формы сказуемого могут совпадать с лично-притяжательными формами определяемого – **не предложения, а определительного словосочетания**:

уд. **нуани этэтэүэни он работал и его работа**. В последнем случае – это склоняемый причастный оборот, словосочетание, соответствующее по функции русскому придаточному предложению: уд. **нй хэнэивэни** (вин. п.) **исэүэни увидел, что человек идёт** (букв. *увидел-он хождение человека*)» [Суник, 1997, с. 247].

Следует отметить, что структурные схемы предикативного словосочетания и притяжательного могут совпадать только в языке, вне конкретной речевой ситуации или вне контекста. Разграничение формы именительного падежа и притяжательной формы первых компонентов предикативной и притяжательной синтагм не представляет трудностей. В составе притяжательных словосочетаний может выступать только притяжательное прилагательное или местоимение, примыкающее в беспадежной форме к определяемому существительному, в предикативных синтагмах первым компонентом может быть только подлежащее, выраженное существительным или местоимением в именительном падеже, и предикативно связанное с ним сказуемое.

Два типа синтагм, предикативная и посессивная, обуславливают строй тунгусо-маньчжурских языков: предикативная синтагма, представленная словом класса имен существительных в именительном падеже с лично-предикативной формой глагола, и притяжательная, представленная атрибутивным словосочетанием, выраженным притяжательным прилагательным или местоимением в беспадежной форме, примыкающим к определяемому слову класса имен существительных. Первая из них отражает номинативную структуру предложения, вторая – посессивную (притяжательную) структуру атрибутивных словосочетаний, второй член которых может выступать в составе предложения в любой синтаксической функции – подлежащего, дополнения, обстоятельства, сказуемого. При слабой развитости форм сложноподчиненного предложения тунгусо-маньчжурские языки отличаются богатством посессивных (притяжательных) словосочетаний, определяемых которых являются субстантивные причастия или связанные отглагольные имена. Эти словосочетания, обычно именуемые причастными и деепричастными оборотами, функционально соответствуют придаточным предложениям русского языка. Посессивные конструкции этого типа отличаются от предикативных своей парадигматикой и синтагматикой: первые из них представлены беспадежной формой определения, примыкающего к определяемому существительному, вторые – подлежащим и сказуемым, соединенных предикативной связью и образующих грамматическую основу предложения.

Литература

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. М.; Л., 1959. Ч. 1: Фонетическое введение и морфология именных частей речи.
- Аврорин В. А. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб., 2000.
- Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
- Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
- Журинская М. А. Посессивность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Захаров И. И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1987.
- Константинова О. А. Эвенкийский язык. М.; Л., 1964.
- Лебедева Е. И., Горелова Л. М. Сиди Кур. Сибирская версия «Волшебного мертвеца». Тексты в записи В. В. Радлова. Aetas Manjurica 4. Wiesbaden, 1994.
- Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М.; Л., 1974.
- Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л., 1975.
- Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. М.; Л., 1960. Ч. 1.
- Пашков Б. К. Маньчжурский язык. М., 1963.

Суник О. П. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Посесивный строй предложения. Л., 1947.

Суник О. П. Тунгусо-маньчжурские языки. Введение // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968. С. 53–67.

Суник О. П. Тунгусо-маньчжурские языки // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997. С. 153–152.

Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947.

Эдельман Д. И., Поцелуевский Е. А. Изафет // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 172.